

ПРОФЕССОРЪ Л. ГУСЕВЪ.

О БРАКѢ И БЕЗБРАЧИИ.

ПРОТИВЪ

„КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“ И „ПОСЛѢСЛОВІЯ“ КЪ НЕЙ

ГРАФА Л. ТОЛСТАГО.

Audiatur et altera pars.

Второе, **ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ**, изданіе.

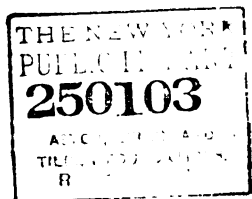
КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1891.

Л. Г.

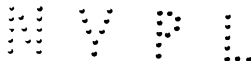
Отъ Казанскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Казань. Духовная Академія. Февраля 22 дня 1891 г.

Членъ Комитета, Инспекторъ Академіи,
Профессоръ Н. Буляевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Какъ ни обширенъ кругъ распространенія богословско-философскихъ и новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній графа Л. Н. Толстаго, однакоже ни одно изъ нихъ не имѣло столь изумительнаго успѣха, какой выпалъ на долю *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловію* къ ней. Первая изъ нихъ появилась въ августѣ 1889 года, а послѣднее—въ апрѣлѣ 1890 года. Оба эти произведенія знаменитаго отечественнаго писателя, какъ оказывается, читаются въ Россіи повсюду людьми самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ, ранговъ, званій, степеней образованія и возрастовъ. Если *Крейцорова Соната* и *Послѣловіе* къ ней неизвѣстны кому, такъ развѣ только а) безграмотнымъ, б) ничѣмъ изъ подобныхъ произведеній неинтересующимся, в) или живущимъ въ какихъ-нибудь особыхъ захолустьяхъ ¹⁾. Въ читательской средѣ идутъ самыя разнородныя толки объ этихъ произведеніяхъ и ведутся ожесточенныя споры. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ даже предпринимаются особыя общественныя собранія для обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ этими произведеніями. Собранія эти посѣщаются людьми самыхъ разнообразныхъ положеній и возрастовъ: врачами, адвокатами, учителями, чиновниками и проч. Словомъ: толковъ и споровъ повсюду множество. За предѣлами Россіи *Крейцорова Соната* и *Послѣловіе* къ ней извѣстны также со времени появленія ихъ и возбуждаютъ сильный, устный и печатный,

¹⁾ Стран. 324 и 325 во 2 кн. *Русскаго Вѣстника* за 1891 г.

говоръ. Увлеченіе первымъ изъ этихъ произведеній, кажется, нигдѣ не заявлялось съ такою силою, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, имя гр. Толстаго въ настоящее время извѣстно чуть-ли не каждому школьнику во всѣхъ Штатахъ Американской республики. Такая необыкновенная популярность завоевана нашему писателю преимущественно *Крейцеровой Сонатой* его.

Понятно, почему именно это произведеніе, вмѣстѣ съ *Послѣловіемъ* къ нему, имѣло столь блестящій успѣхъ и продолжаетъ повсюду интересовать читающую публику. Тутъ имѣютъ значеніе не громкое только имя гр. Толстаго, не духовное только блужданіе современнаго культурнаго человѣка, развившагося подъ разнородными отрицательными вліяніями, не притягательная только сила того священнаго для христіанъ знамени, какое якобы дорого нашему отечественному писателю. Этими причинами нельзя не объяснять популярности другихъ произведеній Льва Николаевича, но однѣми ими сполна неясняется *особый* успѣхъ произведеній, о которыхъ теперь идетъ рѣчь. Другія сочиненія этого писателя или касаются вопросовъ, хотя и несомнѣнно важныхъ, но не всѣмъ доступныхъ, или выражаютъ идеи, неприложимость коихъ къ жизни и фантастичность очевидны для многихъ, если не для всѣхъ. Совсѣмъ иное дѣло — вопросъ о половыхъ отношеніяхъ, о бракѣ, о семейной жизни. Онъ живо и непосредственно затрогиваетъ каждого человѣка, начиная съ юныхъ и оканчивая престарѣлыми людьми, кто бы они ни были по своему положенію и образованію. Уразумѣніе и рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть столь затруднительнымъ, какъ уразумѣніе и рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ и рѣшаемыхъ въ остальныхъ произведеніяхъ гр. Толстаго. Вообще вопросъ о бракѣ каждому представляется до очевидности важнымъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: личной, церковной, государственной, общественной. Вотъ самая главная причина, вслѣдствіе которой

Крейцера Соната и *Послѣловіе* къ ней повсюду возбуждали и возбуждаютъ живѣйшій интересъ.

Само собою разумѣется, для объясненія необычайной популярности этихъ произведеній можно указать еще иныя причины, но уже второстепенныя, побочныя. Такъ, напри-мѣръ, широкой распространенности *Крейцеровой Сонаты* въ нашемъ обществѣ несомнѣнно много содѣйствовали вос-торженные похвалы и рекомендаціи со стороны одной, весьма распространенной, газеты, напечатанныя въ началѣ 1890 года. „Крейцера Соната именно вслѣдствіе ея *правдивой* и *глубоко-нравственной* основной мысли должна, говорится въ этой газетѣ, сдѣлаться *настойной* книгою во *всѣхъ* семьяхъ и распространяться, безъ всякихъ опасеній, *преимуще-ственно* въ средѣ юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Она не-сомнѣнно должна оказать услугу *исправленію нравовъ*, на-сколько вообще такая услуга возможна для художественнаго произведенія. Глубоко-нравственный анализъ современной дѣйствительности, *глубоко-честное и цѣломудренное* отноше-ніе гениальнаго автора къ самымъ серьезнымъ вопросамъ жизни достигаютъ въ этомъ произведеніи до той степени, которая ставитъ его на высоту суроваго поученія, *духовной* проповѣди въ художественной формѣ“ ¹⁾. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такія *непостижимыя* по-хвалы и рекомендаціи не остались гласомъ, вопіющимъ въ пустынь. Наибольшей популярности у насъ *Крейцеровой Сонаты* содѣйствовали, затѣмъ, разнообразныя *нечистоплот-ныя* газетныя выходы противъ тѣхъ, кто имѣлъ благород-ное мужество печатно высказываться противъ мнимой воз-вышенности основной идеи и мнимой полезности этого раз-сказа. По обычаю пускались въ ходъ бессмысленныя упреки въ консерватизмѣ и въ реакціонизмѣ, какъ будто бы въ обла-сти идей мѣриломъ ихъ истинности и плодотворности могутъ

¹⁾ Слова г. Буренина въ *Новомъ Времени* отъ 16 марта.

служить не логическія и не тому подобныя идеальныя основанія, но степень какой-то либеральности ихъ и проч. Бранившіеся не соображали и той простой истины, что въ данномъ случаѣ либералами и прогрессистами скорѣе являются лица, отстаивающіе семью и ея чисто-христіанскій строй. Указанныя нападки бывали иногда такъ злы и такъ искусно рассчитаны, что дѣйствительно способны были, возбуждая въ довѣрчивыхъ людяхъ невольное предубѣжденіе противъ критиковъ вредныхъ идей *Крейцеровой Сопаты*, внушать самыя свѣтлыя ожиданія отъ прочтенія ея. Такъ, въ одной весьма распространенной газетѣ былъ напечатанъ рассказъ, изображавшій двухъ лицемѣровъ: Лампада Фарисеевича Ипокритскаго и Фарисея Лампадовича Искаріотскаго бесѣдующими между собою о неразумности и вредѣ возрѣній гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе. Въ уста одного изъ собесѣдниковъ авторъ *клеветническаго* рассказа вложилъ выраженія, прямо позаимствованныя изъ *Бесѣды о христіанскомъ супружествѣ*, вышедшей изъ-подъ пера *незабвеннаго*, отличавшагося прямою и искренностью, архіеп. Никанора ¹⁾. Можно было-бы указать и другія второстепенныя причины, содѣйствовавшія и содѣйствующія наибольшей популярности *Крейцеровой Сопаты* и *Послѣловія* къ ней, но достаточно и указанныхъ.

Спрашивается: какое же вліяніе на *самомъ дѣлѣ* способны производить эти сочиненія на людей, отличающихся наибольшей довѣрчивостью и воспріимчивостью, но въ то же время не обладающихъ здоровыми убѣжденіями и неспособныхъ къ надлежащей критической оцѣнкѣ прочитаннаго?

Сотрудники нѣкоторыхъ газетъ, считая себя и своихъ протежѣ, конечно, не принадлежащими къ разряду такихъ людей, увѣряютъ, будто бы *Крейцерова Сопата* уже заставила разныхъ лицъ сознательно относиться къ своимъ се-

¹⁾ См. рассказъ: *Хвостъ въ Новомъ Времени* отъ 17 августа 1890 г.

мейнымъ обязанностямъ и сдѣлала для нихъ самыми жгучими и большими вопросы воспитанія дѣтей, т. е. произвела благое вліяніе ¹⁾). Допустимъ, что это такъ. Но спрашивается: какія же семейныя обязанности можетъ внушать *Крейцеровъ Соната* сама по себѣ и каковаго воспитанія дѣтей она можетъ требовать отъ родителей? Кто сколько-нибудь уразумѣлъ сущность ученія гр. Толстаго, тотъ не можетъ не знать, что съ его точки зрѣнія семья не должна имѣть мѣста среди истинныхъ толстовцевъ и что воспитаніе дѣтей дозволительно только въ духѣ его радикальной пантентическо-соціалистической системы. Если бы наивные люди, почерпающіе нравственные уроки изъ *Крейцеровой Сопаты* и изъ *Послѣсловія* къ ней, уразумѣли настоящіе требованія отъ нихъ со стороны этихъ произведеній, то о благотворномъ дѣйствіи ихъ не стали-бы и заикаться, а не только что восторженно разглагольствовать. Очевидно, о благотворномъ вліяніи *Крейцеровой Сопаты* и *Послѣсловія* можно говорить лишь постольку, поскольку они даютъ поводъ посерьёзнѣе подумать о тѣхъ или иныхъ сторонахъ нашей половой и семейной жизни. Но вѣдь это обстоятельство нисколько не дѣлаетъ благотворными сами по себѣ эти произведенія. Частые истребительные пожары въ деревняхъ тоже способны заставлять серьёзнѣе поразмыслить о наилучшей постройкѣ домовъ, о наилучшей охранѣ ихъ отъ пожаровъ и т. под., но кто же рѣшится сказать, будто бы сами по себѣ пожары—дѣло полезное, хорошее? Очень дурно сами себя рекомендуютъ тѣ люди, которые, только подъ вліяніемъ *Крейцеровой Сопаты* и *Послѣсловія* къ ней, задумались о дѣлѣ такой первостепенной важности, какъ семейныя обязанности, воспитаніе дѣтей и проч. Съ другой стороны, если ни внушенія церкви, ни знаніе христіанъ, ни собственная совѣсть и благо своё и другихъ раньше неспособны были заставить

¹⁾ Стран. 88 въ 3 № Недѣли за 1891 г.

ихъ, какъ должно, относиться къ семейнымъ и въ частности къ родительскимъ обязанностямъ, то развѣ можно ожидать, чтобы *Крейцера Соната* и *Послѣловіе* къ ней въ состояніи были подвигнуть къ этому? Отъ тѣхъ, кто вдохновляется и назидается этими и вообще Толстовскими произведеніями, можно ожидать только безплодной „шумихи“ и хаотическаго духовнаго броженія, но отнюдь не установленія истинно-христіанскихъ семейныхъ и родительскихъ отношеній. „Собирають-ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? Только доброе дерево приноситъ плоды добрые“ ¹⁾, говоритъ Божественный Учитель.

„Дерево“ же, измышленное и возвращенное гр. Толстымъ, т. е. его *Крейцера Соната* съ *Послѣловіемъ* къ ней, таково по своему существу, что способно только вредно вліять на людей довѣрчивыхъ и воспріимчивыхъ, но не обладающихъ здравыми убѣжденіями и неспособныхъ къ надлежащей критической оцѣнѣ прочитаннаго. Отъ этихъ произведеній нашего писателя возможенъ самый разнообразный вредъ. Въ нихъ преднамѣренно выдаются за истинно-христіанское ученіе безусловно противные ему взгляды; церковь трактруется искажительною ученія Спасителя; изображаются нарочито мрачными красками и только въ уродливыхъ своихъ проявленіяхъ половыя и семейныя отношенія людей; истина превращается въ своего рода игрушку; подъ прикрытіемъ возвышенныхъ фразъ выдвигаются на первый планъ чувственныя, животныя интересы людей; отрицается первичная и самая необходимая форма всякой общественности. Что же во всемъ этомъ полезнаго и назидательнаго? Довѣрившись гр. Толстому, человѣкъ не только впадѣтъ въ совершенно ложное представленіе о самыхъ важныхъ предметахъ, но и можетъ окончательно испортить жизнь самому себѣ и другимъ. Усвоивши основную тенденцію твореній

¹⁾ Матѣ. 7, 16 и 17.

гр. Толстаго и отнесшись сочувственно къ преслѣдуемой имъ практической цѣли, но въ тоже время увидѣвши, что и таковой человѣкъ, каковъ нашъ знаменитый отечественный писатель, позволяетъ себѣ различныя „передержки“ ради торжества своего ученія, ученикъ его и самъ станетъ смотрѣть на истину, на точность и правильность тѣхъ или иныхъ увѣреній, какъ на дѣло—само по себѣ пустое, неимѣющее по крайней мѣрѣ особенной цѣны. Отрицать вредъ и небезопасность твореній гр. Толстаго, поэтому, могутъ только тѣ, кто или находится, благодаря своему недомыслию, въ нравственной кабалѣ у него, или домогается какой-нибудь для себя выгоды отъ рабскаго услуживанія ему и его дѣлу. Что же касается остальныхъ людей, то для нихъ несомнѣнны этотъ вредъ и небезопасность *Крейцеровой Сопаты* и *Послѣсловія* къ ней.

Такъ, не даромъ же директоръ почтоваго департамента въ Америкѣ, Файнеръ, издалъ въ 1890 году приказъ, воспреещающій рассылку *Крейцеровой Сопаты* по почтѣ¹⁾. Въ Германіи и Австріи частныя лица то печатаютъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи, то предпринимаютъ публичныя лекціи, чтобы предохранить публику отъ вреднаго дѣйствія *Крейцеровой Сопаты* и *Послѣсловія* къ ней²⁾. Серьезными людьми признается публично, что первое изъ этихъ произведеній способно вредно вліять, вромѣ другихъ своихъ сторонъ, уже одними нецѣломудренными картинами и фразами своими. Вотъ что наприм. говоритъ объ этомъ одна изъ американскихъ писательницъ, Елизавета Фильсъ, въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „Двѣ недѣли тому назадъ я въ первый разъ прочла одно изъ тѣхъ произведеній, которыя по прочтеніи скорѣе прячутъ, чтобы никто не увидалъ ихъ на столѣ.... Произведеніе Толстаго—образчикъ того, что мы можемъ ожидать отъ испорченности нашего времени.... Пси-

¹⁾ № 200-й *Волжскаго Вѣстника* за 1890 г.

²⁾ № 2-й *Московскихъ Вѣдомостей* за 1891 г.

хологія Толстаго—простая фізіологія. Мало того, что онъ грѣшитъ противъ литературнаго вкуса: у него отсутствуетъ простой человѣческій стыдъ“¹⁾. О несомнѣнно обнаруживаемомъ вредномъ вліяніи *Крейцеровой Сонаты* на воспріимчивыя и некритичныя натуры свидѣлствуетъ сама дѣйствительность. По словамъ извѣстнаго французскаго писателя, Вогюэ, нѣкоторые университетскіе студенты въ Парижѣ испытали такое сильное нравственное потрясеніе отъ прочтенія *Крейцеровой Сонаты*, рисующей семейную жизнь самыми отталкивающими красками и заподозривающей даже возможность инаго ея склада, что они, уже рѣшившіеся было жениться, колебались въ своемъ рѣшеніи²⁾. Намъ передавали въ октябрѣ 1890 года изъ вѣрныхъ источниковъ объ еще болѣе вопіющемъ фактѣ. Одинъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ сонму ярыхъ приверженцевъ соціальныхъ идей гр. Толстаго, собирался вступить въ супружескій союзъ съ горячо любимой имъ дѣвушкою. Попадаютъ ему въ руки *Крейцорова Соната* и *Послѣловіе* къ ней. Довѣрчивый и фанатичный сторонникъ Л. Н. Толстаго былъ такъ подавленъ мыслью о непозволительности половой любви и женитьбы, что впалъ въ тихое умопомѣшательство и застрѣлился. Вотъ даже какое пагубное дѣйствіе могутъ оказывать эти сочиненія на нѣкоторыхъ лицъ!

Какъ видимъ, *Крейцорова Соната* и *Послѣловіе* къ ней способны производить весьма разнообразное вредное дѣйствіе, смотря, конечно, по различію духовнаго склада и направленія читателей, коль скоро послѣдніе отличаются довѣрчивостью и воспріимчивостью, необладаютъ даромъ здоровой критики и неимѣютъ твердыхъ и здравыхъ убѣжденій.

¹⁾ См. статью: *Графъ Л. Толстой въ Америкѣ* въ № 21 *Волжскаго Вѣстника* за 1891 г. Что нѣкоторыя рѣчи Позднышева исполнены цинизма, это признаетъ и А. С. Суворинъ (см. *Новое Время* отъ 5 февр. 1891 года).

²⁾ Стран. 515 въ дек. кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.

Важность вопросов, затрагиваемых въ *Крейцеровой Сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* къ ней, производимое ими вліяніе и не способность многихъ читателей лично разобратъ въ хаосѣ жи и горькой правды, преисполняющихъ эти произведенія, дѣлають вполне понятнымъ для насъ, почему *лучшіе*, т. е. болѣе истиннолюбивые, изъ представителей общества жаждутъ слышать или имѣть подъ руками безпристрастный разборъ ученія гр. Толстаго о бракѣ и безбрачіи прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, съ богословско-философской точки зрѣнія, таеъ какъ и первое изъ этихъ произведеній нашего писателя преслѣдуетъ дидактическую цѣль. Съ другой стороны, кто-же, если не на основаніи исторіи и опыта, то по крайней мѣрѣ инстинктивно не сознаетъ той истинны, что въ дѣлѣ борьбы съ вредными и ложными ученіями *всею важнѣе и цѣлесообразнѣе* устное или печатное слово?... Эта жажда разбора взглядовъ гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе заявила со стороны публики и во время публичныхъ чтеній, предпринятыхъ мною въ Казани, во Владимірской Читальнѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1890 года по воскреснымъ днямъ. Чтенія имѣли своей задачей критическій разборъ ученія гр. Толстаго о „пяти евангельскихъ“ заповѣдяхъ. Первые три чтенія были посвящены разбору ученія этого писателя о непротивленіи злу, о судахъ и о негнѣвливости. Послѣднія-же двѣ лекціи, именно 4 и 11 ноября, должны бы имѣть предметомъ своимъ критическое разсмотрѣніе остальныхъ Толстовскихъ заповѣдей, но нельзя и грѣшно было не уступить настоятельнымъ и весьма резоннымъ просьбамъ многихъ изъ моихъ слушателей, чтобы я занялся возможно-подробнымъ разборомъ ученія *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней. Насколько вполне основательна была эта просьба, блистательно доказалось и количествомъ лицъ, собравшихся на чтеніе. „Оно,—какъ свидѣтельствуетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ,—привлекло такую массу публики, что еще до начала лекціи въ Читальнѣ была

давка. Многіе не могли пробраться въ залъ, а другіе уходили до начала чтенія изъ страха предъ тѣсною и душою“¹⁾. Указываю на это, какъ на весьма знаменательное и поучительное соціальное явленіе....

Имѣя въ виду столь энергично заявившійся на моихъ лекціяхъ противъ гр. Толстаго интересъ публики къ разбору взглядовъ этого писателя на бракъ и безбрачіе, нравственно обязывался я не откладывать и печатанія двухъ послѣднихъ моихъ чтеній. То, чтó въ лекціяхъ, за недостаткомъ времени, невольно приходилось или передать вратю, или совсѣмъ опустить, восполнено по возможности передъ печатаніемъ ихъ. Но какъ въ устномъ изложеніи, такъ и въ печатномъ имѣлось въ виду слѣдующее. Во-первыхъ, мнѣ казалось необходимымъ возможно-полнѣе передать ученіе гр. Толстаго о бракѣ и безбрачіи и приводимые имъ аргументы въ пользу его воззрѣній. Чтобы, при самостоятельномъ изложеніи ученія и аргументаціи Льва Николаевича, какъ-либо не допустить малѣйшей неточности или недомолвки, я находилъ наилучшимъ излагать дѣло его собственными словами. Понятно, что при этомъ нельзя было обойтись безъ значительныхъ выдержекъ изъ его твореній. Нѣкогда совершенно вѣрно было замѣчено г. профессоромъ А. А. Волковымъ, что и вообще съ толстовцами, какъ и съ раскольниками, можно спорить не безъ нѣкотораго успѣха только по книгѣ, т. е. дѣлая постоянныя ссылки и извлеченія²⁾. Во-вторыхъ, авторъ заботился о возможно-всестороннемъ разборѣ взглядовъ и аргументаціи гр. Толстаго. Такого обстоятельнаго разбора требуетъ самая важность предмета. Семейство составляетъ основную ячейку, изъ которой развивается и въ которой возвращается всякая другая общественность. Если законно существованіе брака и семьи, то безъ логической непослѣдо-

¹⁾ № 240 *Каз. Бирж. Листка*.

²⁾ Стран. 230 и друг. во 2 т. *Православнаго Собесѣдника* за 1886 г.

вательности нельзя отвергать законности существованія и другихъ основныхъ формъ общественной жизни человѣка, равно какъ собственности и т. под. Съ другой стороны, семейство—первоначальная и необходимая сфера духовнаго развитія людей, нерѣдко залагающая въ нихъ тѣ или иныя понятія и воззрѣнія, тѣ или другія сердечныя настроенія, тѣ или иныя волевыя склонности до такой степени прочно и глубоко, что и послѣдующая жизнь человѣка не въ состояніи вырвать ихъ изъ него или существенно измѣнить даже, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ. Значить, коль скоро похристіански поставлены взаимныя отношенія супруговъ и въ христіанскомъ духѣ и направленіи ведется воспитаніе новаго поколѣнія, то не можетъ страдать теперешними недугами и жизнь церковная, государственная, общественная, народная. Не очевидно-ли, что по возможности основательное и обстоятельное опроверженіе отрицательныхъ взглядовъ гр. Толстаго на половую любовь, на бракъ, на семейную жизнь есть дѣло особенной важности? Наконецъ, авторъ считалъ своей прямой обязанностью вести идейную борьбу съ этимъ писателемъ не иначе, какъ употребляя въ дѣло тоже законное оружіе, каковымъ самъ онъ пользуется для обоснованія и оправданія своего ученія о бракѣ и безбрачїи. Аргументы заимствуются гр. Толстымъ изъ изреченій І. Христа, изъ свидѣтельствъ христіанскаго сознанія, исторїи и житейскаго опыта, изъ соображеній разума. Поэтому, и для опроверженія ученія нашего знаменитаго писателя я обязывался обращаться и обращаюсь къ словамъ же Спасителя, къ свидѣтельствамъ христіанскаго сознанія, исторїи и житейскаго опыта, къ соображеніямъ разума. Сколько знаю, нѣтъ и быть не можетъ болѣе естественныхъ, основательныхъ и „честныхъ“ приемовъ критики, чѣмъ эти приемы.

Публичныя лекціи мои о бракѣ и безбрачїи противъ гр. Л. Толстаго были напечатаны въ 12 кн. *Православнаго*

Собесѣдника за 1890 годъ и затѣмъ выпущены въ свѣтъ, 21-го декабря того же года, отдѣльною брошюрою въ *значительномъ* количествѣ экземпляровъ. Въ сравнительно короткое время первое изданіе уже разошлось. Такимъ сравнительно быстрымъ своимъ распространеніемъ брошюра въ значительной степени обязана,—увѣренъ я,—и сочувственнымъ отзывамъ о ней *болѣе истиннолюбивой* части нашей „свѣтской“ печати, которой, въ интересахъ дорогой и мнѣ истины, не могу не выразить здѣсь искренней признательности. Если большинство органовъ этой періодической печати по обычаю замалчивало, сколько знаю, и мое сочиненіе, а одинъ изъ нихъ пытался обезцѣнить его во мнѣніи публики, хотя и голословно ¹⁾, то, наоборотъ, болѣе солидные, по общему признанію, органы „свѣтской“ печати, принадлежащіе, при томъ, къ *разнымъ* лагерямъ, не только отнеслись сочувственно къ данной моей полемикѣ противъ гр. Толстаго, но и указывали его почитателямъ и послѣдователямъ на ихъ *нравственный долгъ* ознакомиться съ нею. Не знаемъ, какъ отнеслись къ этому истиннолюбивому и нравственно-доброму совѣту наиболѣе рьяные почитатели и сторонники „великаго учителя“. Неужели всѣ они—фанатики, стоящіе въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже даже язычниковъ—римлянъ, не только выработавшихъ высокое моральное изреченіе: *audiantur et altera pars*, но часто и поступавшихъ согласно съ нимъ?!

Выпуская теперъ въ свѣтъ новое изданіе брошюры, авторъ,—какъ увидитъ самъ читатель,—нигѣмъ и ничѣмъ не вызывался нравственно на то, чтобы отречься отъ чего-нибудь изъ высказаннаго въ первомъ изданіи противъ сужденій гр. Толстаго о половой любви, о бракѣ, о семейной жизни и о тому подобныхъ предметахъ.

¹⁾ Бездоказательныя осужденія, но произносимыя авторитетно людьми, видимо мало учившимися и смыслящими, способны только изумлять и смѣшить серьезнаго читателя.... (sic)

Уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія настоящаго сочиненія отечественная публика была обстоятельно ознакомлена съ иностранной критикою *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней ¹⁾. Въ этой критикѣ мы, однако, не нашли ничего такого, что могло-бы насъ заставить отречься отъ чего-либо изъ сказаннаго въ первомъ изданіи противъ взглядовъ гр. Толстаго. Несомнѣнно, встрѣчается у французскихъ и нѣмецкихъ критиковъ *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней не мало остроумныхъ частныхъ замѣчаній и мыслей, вызванныхъ этими произведеніями. Но замѣчанія и мысли эти относятся къ такимъ сторонамъ означенныхъ произведеній, коихъ касаться намъ не было ни малѣйшей нужды. Иностранные критики высказываются и по существенному вопросу, касающемуся брака и безбрачія, но ихъ мнѣніе о несостоятельности ученія гр. Толстаго объ этомъ предметѣ тождественно съ нашимъ взглядомъ. Различіе же состоитъ только въ томъ, что нашъ взглядъ представляется мотивированнымъ, тогда какъ у нихъ онъ выраженъ голословно. Что же касается другихъ сторонъ иностранной критики, то мы не находимъ раціональных основаній даже къ тому, чтобы видѣть въ нихъ дѣйствительно критику ученія гр. Толстаго, если подъ критикою разумѣть уясненіе основнаго тезиса и существенныхъ сторонъ этого ученія и показаніе его несостоятельности въ силу такихъ-то ясно выраженныхъ соображеній или такихъ-то опредѣленныхъ данныхъ. Вынуждаемся сказать, что критикамъ этимъ недостаетъ пониманія самой главной и существенной стороны дѣла: пониманія основной тенденціи и практической цѣли ученія гр. Толстаго о половыхъ отношеніяхъ. Причина этого непониманія заключается, конечно, и въ томъ, что нашъ писатель, по справедливому замѣчанію Вогюэ и другихъ

¹⁾ См. 1) статью Вогюэ о *Крейцеровой Сонатѣ* въ 12 кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г. и 2) статью: *Нѣмецкіе критики Крейцеровой Сонаты* въ 1 кн. *Недѣли* за 1891 г.